

А.Л. Юрганов

**КАК ТОВАРИЩ СТАЛИН СТАЛ РУКОВОДИТЬ
ЛИТЕРАТУРНЫМ ФРОНТОМ**

Аннотация. В статье речь идет о политике И.В. Сталина в области художественной литературы, о постепенном утверждении его культа в этой сфере. Один из главных инструментов этой политики – внесение в художественный дискурс идеи марксистской диалектики. Сталинская диалектика стала инструментом давления на писателей, потерявших ориентацию в «правильном» описании действительности.

Ключевые слова: сталинизм, диалектика, история, советские писатели, И. Сталин, Л. Мехлис, идеологическая кампания, агитпроп.

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); профессор Школы-студии МХТ.
E-mail: iurganov@yandex.ru

A.L. Yurganov. As Comrade Stalin Started to Govern the Literary Front

Abstract. The article tells about I.V. Stalin's politics in literature and the gradual adoption of his cult in this area. One of the main methods of that policy was the use of the ideas of Marxist dialectics in literary discourse. The Stalinist dialectics served as the pressure on writers, who lost orientation in the «correct» description of reality.

Keywords: Stalinism, dialectics, history, Soviet writers, I. Stalin, L. Mehlis, ideological campaign, advocacy (agitprop).

Yurganov Andrey L'vovich – Doctor of History, Professor of Russian State Humanitarian University (RGGU), Professor of the School-Studio of the Moscow art theatre.
E-mail: iurganov@yandex.ru

Сталинизм – явление многослойное, толчком к его развитию послужило выступление Сталина в апреле 1929 г., когда он объявил о строительстве социализма в отдельно взятой стране, и если раньше врагов искали за пределами страны Советов во враждебном капиталистическом окружении, то теперь

200

задача борьбы за социализм в атмосфере «растущей» классовой непримиримости ставилась уже внутри страны.

Резкий поворот произошел во второй половине 1931 г., его можно проследить по журналу «На литературном посту». В первой половине года имя Сталина в журнале не встречается. О нем не говорят, его не цитируют, упоминают крайне редко и вскользь. Партийный авторитет не был авторитетом литературным, и РАПП¹ возглавляет своя когорта высших управленцев, ревниво следящих за возвышением соперника.

Внедрение культа Сталина в эту среду происходило постепенно и связано было с общей политикой подчинения науки, искусства, культуры идеологическому режиму с упором на жестко выраженную волю генерального секретаря партии большевиков. Первым шагом в этом процессе явилась речь Сталина 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственных работников, в которой вождь сказал, что работать всем предстоит в новых условиях строительства социализма в отдельно взятой стране. Казалось бы, какое значение имеет совещание с хозяйственным активом для судеб науки, искусства и культуры? Ясно, что не сами литераторы, деятели искусства, ученые созрели для восприятия метафизического смысла этой речи, но идеологический аппарат Сталина сделал первый «предупреждающий» выстрел в советское общество, заявив о начале большой кампании по глубокой реорганизации его на новых началах. Смысл этой реорганизации открылся не сразу, но очевидно, что план ее уже существовал, и в определенной степени воплощался в действиях агитационного отдела партии, не говоря уже о самом Сталине.

В июльских номерах журнала «На литературном посту» за 1931 г. не было ни слова о Сталине и его речи. И вдруг в его августовском номере, где была опубликована редакционная статья «Речь тов. Сталина и задачи РАПП» (№ 24), начали так превозносить Сталина, что не оставалось никакого сомнения: статья готовилась в недрах агитпропа ЦК партии и предупреждала о серьезной реорганизации деятельности РАПП. В этой статье видны основные концепты идеологической кампании, однако сами литераторы еще не вполне понимали, к чему идет дело: они не улавливали всех идеологических хитрых уловок, которые содержались в планах этой глобальной перестройки.

1. РАПП (ВАПП, ВОАПП) – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературно-политическая организация, оформленная в январе 1925 г. как основное звено Всесоюзной АПП (ВААП), существовавшей с 1924 г. Теоретическим органом был журнал «На посту». РАПП стала наиболее массовой пролетарской структурой в советской литературе. Лидерами РАПП были Д. Фурманов, Ю. Либединский, В. Кирион, А. Фадеев, Л. Авербах и др. В 1928 г. было организовано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП). В 1932 г. постановлением ЦК ВКП (б) все пролетарские ассоциации в литературе были распущены.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрим исходные мотивы начатой кампании, касавшейся всех областей, особенно творческих – искусства и литературы. Первый тезис в редакционной статье – наиболее существенный: об «отставании» пролетарской литературы от «практики» социалистического строительства. «Практику» знает тот, кто ею руководит, – товарищ Сталин.

«...Огромное значение имеет выступление тов. Сталина для пролетарского литературного движения как указание путей его дальнейшей перестройки, большего включения пролетарских писателей в практику социалистического строительства, ускорения процесса ликвидации отставания пролетарской литературы от требований нового этапа социалистической стройки, – было прямо сказано: без выполнения указаний товарища Сталина теперь никак нельзя мыслить себя пролетарским писателем.

Каждый писатель, каждый кружок, вся РАПП в целом должны бороться за выполнение директив вождя партии и рабочего класса. Литературный кружок, который ничего не сделал для того, чтобы ускорить выполнение указаний тов. Сталина на своем предприятии, не может называться рапповским кружком» [15, с. 1].

После почти полного (и многолетнего) упоминания Сталина в журнале такие слова могли вызвать даже растерянность: «Эта борьба за выполнение указаний Сталина должна проводиться каждым рапповцем у станка, в ячейке, на производственном совещании. Эта борьба должна проводиться каждым рапповцем и при помощи художественного слова. Каждый раздел, каждый абзац речи тов. Сталина – благодарная тема для художественного произведения. Ликвидация “бегства мужика из деревни в город” и по-новому вставший в связи с этим вопрос о рабочей силе, вытеснение ручного труда механизацией, изменение самого типа советского рабочего, борьба с “уровнилкой” и “обезличкой”, постановка тов. Сталиным вопроса о производственно-технической интеллигенции – разве это не темы для полноценных художественных произведений, разве это не нуждается в художественных произведениях, разве это не нуждается в художественном осмыслении в романе, рассказе, стихах, очерках, разве не должно быть мобилизовано вокруг этих тем внимание писательских кадров РАПП? Литературные кружки на предприятиях должны развернуть социалистическое соревнование между собой по лучшему художественному обслуживанию борьбы за выполнение поставленных тов. Сталиным задач на своем предприятии, в своей стенгазете, в своем районе» [там же].

Следующий идейный элемент кампании органично вытекал из предыдущего, – ведь надо было сделать так, чтобы критика шла не только сверху (в таком виде она плохо усваивается), но и со стороны самих писателей. Нужно было заставить их критиковать самих себя, добровольно обнажать вину перед партией, клясться, что такое больше не повторится, указывать на

202

тех, кто не раскаялся, но скрывает правду от партии... В редакционной статье говорилось, что речь тов. Сталина «должна вызвать новую волну широчайшей самокритики вокруг задач и темпов перестройки пролетарского литературного движения в соответствии с изменившимися условиями, – партийное требование “широчайшей самокритики” в РАПП – это прямое дополнение к тезису об “отставании” пролетарской литературы от практики строительства социализма в СССР. – В свете указаний тов. Сталина РАПП должен произвести проверку всей своей работы, политически осмысливая ее, борясь с различными проявлениями мелкобуржуазных и буржуазных влияний на пролетарское литературное движение и творчество писателей рабочего класса» [15, с. 2].

Подчеркивалось также, что деятельность РАПП не должна быть обезличенной, равно как и самокритика: «Особое значение для пролетарского литературного движения имеет постановка тов. Сталиным вопроса о ликвидации “обезлички”. Есть ли в работе РАПП “обезличка”? Да, есть. Она есть и в практике руководства и выражается в наблюдающемся часто “общем” подходе к различным участкам нашего движения, в “отсутствии ответственности каждого за данную конкретную работу”».

Но и этого было недостаточно: указывалось на необходимость развертывания в РАПП «творческих дискуссий». Они были нужны не сами по себе, а только для того, чтобы писатели могли сами себя критиковать, обнажая свои неверные мысли, заблуждения, ложные идеи и т.д.

«Лозунг ликвидации обезлички имеет прямое и непосредственное отношение к вопросам творческой дискуссии в РАПП. Некоторые товарищи не понимают этого, полагая, что единственным выводом из этого лозунга тов. Сталина для пролетарской литературы является описание того, как ликвидируется обезличка на предприятиях. Если бы дело заключалось только в этом, все обстояло бы очень просто. Но мы не можем в качестве выводов из речи тов. Сталина предъявить движению лишь перечень вопросов, подлежащих описанию. Дело обстоит гораздо сложнее» [15, с. 3].

Что «дело» обстояло гораздо сложнее – чистая правда. Дабы писатель никогда не понял, что от него требуется, было сказано, что товарищ Сталин говорил в своей речи о борьбе за «ленинский метод пролетарской литературы». Что это за метод? «Дать художественный образ новой пролетарской интеллигенции может только такой художник, который умеет видеть действительность диалектически, в движении, в росте, который вооружен марксистско-ленинским мировоззрением» [15, с. 4]. Это требование таило в себе пугающую неопределенность: ведь чтобы стать пролетарским писателем, надо не только быть им по происхождению, но и овладеть диалектикой, ленинским методом, который очевидным образом не может быть усвоен сразу, а по смыслу редакционной статьи – присущ только одному Сталину...

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Непостижимо, но факт: после такой редакционной статьи о вожде партии и его роли в литературном процессе по-прежнему выходили номера журнала «На литературном посту» без упоминания Сталина! При этом тематика статей полностью совпадала с тем, о чем говорилось в редакционной статье (№ 24). Например, в № 27 за 1931 г. публиковалась статья М. Гельфанда «Развертывание творческой дискуссии и некоторые вопросы борьбы на два фронта» – и ни слова о Сталине. В следующем номере журнала – статья Ю. Либединского «О показе героев и призыве ударников» – и вновь ничего о Сталине. В 29-м номере – статьи Б. Коваленко «Украинская пролетарская литература перед новыми задачами», С. Динамова «Против меньшевистствующего идеализма И. Беспалова» – и снова ничего о вожде партии.

В ноябрьских номерах подробно говорится о «развертывании творческой дискуссии», но даже без намека на Сталина. При этом активно обсуждаются основные «пункты» идеологической кампании – о самокритике, дискуссии и, конечно, о диалектическом методе, доходя до странных обобщений, в духе изначальной неопределенности: «...Диалектический материализм, “сторонником которого заявляет себя пролетарский писатель”, качественно выше мировоззрения Пушкина и Гёте. Но уровень овладения этим качественно высоким мировоззрением у большинства пролетарских писателей ниже, чем уровень овладения Пушкиным и Гёте мировоззрением своего класса, в свою эпоху» [6, с. 6].

В 33-м номере (ноябрьском) за 1931 г. была опубликована программная статья Л. Авербаха² «О партийно-политическом воспитании рапповских кадров», где обсуждали вопрос о том, как надо разворачивать творческие дискуссии и самокритику в РАПП. Авербах умудрился несколько раз процитировать А.В. Косырева и только один раз упомянул Сталина вскользь («он против мелкобуржуазной лакировки действительности»), без указания его работы. По тону статьи Авербаха видно, что он чувствовал себя настоящим руководителем РАПП, – это именно он ведет идеологическую кампанию, контролирует всех и судит всех...

24 ноября 1931 г. в газете «Правда» публикуется статья сталинского пропагандиста Льва Мехлиса «За перестройку работы РАПП». В ней делался акцент на том, что Сталин – это не только практик, но и великий теоретик партии... Этот вопрос для Сталина был очень болезненным. Он знал, что его никогда в партии не признавали теоретиком, а по неписаной договоренности руководить ею может только теоретик. Как быть?

2. Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – советский критик, генеральный секретарь РАПП, член Союза писателей СССР, главный редактор журнала «На литературном посту»; *расстрелян.*

Мехлис явно намекал на то, что в руководстве РАПП – не настоящие теоретики, а схоласты: «...Наша партия борется и будет бороться против “теоретической” схоластики, оторванной от революционной практики». Он писал: «...Теоретическое обобщение революционной практики отстает на ряде участков идеологического фронта. Это отставание мы имеем и на участке нашей пролетарской литературы». Мехлис напомнил литераторам о теоретике Сталине и его марксистской диалектике: «...Наша партия показала блестящие образцы применения материалистической диалектики для анализа новых условий работы и перестройки соответственно с этим государственных, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций. Историческая речь тов. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня (1931 г. – *А. Ю.*) с постановкой решающих вопросов работы в новых условиях, в связи с изменениями в расстановке классовых сил в стране, является образцом ленинского стиля в работе – соединения американской деловитости и русского революционного размаха. В своей речи тов. Сталин поднял основные вопросы социалистического строительства на большую принципиальную теоретическую высоту и дал исчерпывающий ответ, как практически эти вопросы разрешить».

Статья довольно откровенно призывала критиковать... руководителей РАПП: «Литература перестала быть делом узкого круга лиц, перестала быть делом “избранных”... Все это надо было руководству РАПП учесть. Все эти факты вступают в прямое противоречие с групповой обособленностью, с элементами администрирования в руководстве массовой организацией пролетарских писателей. Это не может не тормозить развертывание творческих течений, творческого соревнования пролетарских писателей. Система взаимоотношений внутри РАПП должна быть кардинально изменена».

Мехлис своеобразно трактовал выход из ситуации «отставания» литературы: «Необходимо всемерное развертывание творческой дискуссии и самокритики в пределах единой партийной линии». В завуалированной форме требовалось признать свои ошибки перед партией и перестать своевольничать, как прежде: «Какие недостатки должны быть изжиты немедленно? Чтобы воспитать новые кадры писателей-ударников, призванных в литературу, чтобы поднять кадры пролетарских писателей на уровень ленинской непримиримости к оппортунистическим извращениям, надо подвергнуть развернутой критике, в первую очередь на страницах рапповской печати, ошибки, допущенные отдельными членами РАПП, в частности рядом руководящих товарищей».

Имена руководителей Мехлис не стал скрывать – это Авербах, Ермилов, Гроссман-Рощин, Либединский – основной костяк идеологов РАПП.

26 октября 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

затем появилось в осенних номерах всех основных периодических журналов (Большевик. 1931. № 19–20; Коммунистическое просвещение. 1931. № 23; Борьба классов. 1931. № 8–9).

Публикация в «Правде» ни словом не упоминает, что уже месяц, как увидела свет статья Сталина, касающаяся истории большевизма, – значит, месяц спустя после публикации агитпроп еще не подготовил (или не успел подготовить!) новую идеологическую атаку на советское общество с новым прославлением генерального секретаря партии.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь текст письма Сталина, – это не столько, что сказал, а то, как сказал. Агрессивная тональность письма не могла не напугать читателей. Речь шла о позиции историка А.Г. Слущкого, высказанной им в статье «Большевики о германской социал-демократии в период предвоенного кризиса» и опубликованной в журнале «Пролетарская революция». Сталин писал о правоте большевиков по вопросу о диктатуре пролетариата и учил историков партии опираться не на бумажные документы (символ бюрократизма), а на реальные дела (практику) большевиков.

По мере превращения письма тов. Сталина в идеологическую акцию смысл публикации оказывался не контекстуальным, а метафизическим, – так, собственно, и возникал сталинизм в области идеологии: через превращение сказанного об одном в сказанное обо всем!..

Пока формировалась новая идеологическая кампания, Авербах пытался защитить себя и удержать власть в РАПП после острой и очень неприятной критики в «Правде».

В декабрьском номере «На литературном посту» (№ 34, 1931 г.) был опубликован редакционный материал под названием «Об очередных задачах перестройки РАПП. Резолюция по докладу Л. Авербаха на Пленуме РАПП 2 декабря 1931 г.». Авербах признал правоту Мехлиса и уже ссылаясь на письмо тов. Сталина, называя его «образцом большевистской идейной нетерпимости»: Оно «обязывает РАПП и всех его работников к пересмотру своих теоретических работ под углом зрения борьбы за ленинскую партийность теории, за овладение ленинским философским наследием как новой ступенью в развитии марксизма, за проверку теории требованиями практики и успешностью борьбы с классовым врагом и его влияниями на фронте литературной теории» [11, с. 3].

В двоекном номере журнала «На литературном посту» (№ 35–36, 1931 г.) были опубликованы выступления литераторов на пленуме РАПП с самокритикой. А. Безыменский, например, говорил не только о своих заблуждениях, но ставил вопрос и о руководителях Ассоциации: «Ощущая полноту ответственности за работу РАПП, я хочу помочь скорейшему и полному проведению директив партии. Да, я ошибался, я признаю свои ошибки, но как большевик, я обязан и буду бороться за проведение линии партии

206

помогать осуществлению ее директив. Касаясь доклада т. Авербаха, я должен сказать, что в нем не дано настоящего направления огня в свете директив партии. (Голос: “Правильно”. – Аплодисменты). <...> Товарищи, нужно решительно разделиться с этой системой. Это одна из самых важных директив партии. Но она осуществлена в докладе Авербаха более чем плохо. <...> Я лично заявляю, что безоговорочно присоединяюсь к статье “Правды” [3, с. 23–24].

Безыменский спрашивал, искажая русский язык, но не искажая сути идеологической проработки: «Почему т. Авербах исключается из самокритики?» [3, с. 23].

Культ Сталина возник на основе культа Ошибки, который вытекал из обязательной процедуры самокритики. Никто не мог уйти от критики себя и других: так подготавливалась почва для обвинений и преследований. Сталину не обязательно было придумывать вину, в атмосфере «самокритики» найти ее было нетрудно. Три смысловых концепта становятся главными в идеологии: это разоблачение «гнилого либерализма», отношение между «теорией» и «практикой» и совпадение / несовпадение с «генеральной линией партии». Через эти концепты, бесконечно повторяемые, осуществлялась структурная перестройка всех областей искусства, теоретического и методического знания [20, с. 68–70].

Кампания по письму Сталина в «Пролетарскую революцию» развернулась в декабре, и в последнем номере журнала «На литературном посту» (№ 35–36, 1931 г.) уже шел специальный редакционный материал: «Письмо Сталина и задачи ВОАПП. Постановление секретариата ВОАПП». Смысл этой кампании, как говорилось, – в усилении партийности в теории: «Письмо тов. Сталина в редакцию “Пролетарской революции” “о некоторых вопросах истории большевизма” ставит во весь рост задачу усиления борьбы за партийность в теории, против всех и всяческих враждебных марксизму-ленинизму систем и против гнилого либерализма по отношению к последним. Письмо особенно заостряет внимание на новых формах маскировки троцкизма, этого передового отряда контрреволюционной мировой буржуазии. Разоблачая Слудских и Волосевичей, письмо показывает, как троцкизм пытается извратить историю большевистской партии, оклеветать ленинизм, противопоставить ему идеологию троцкизма...» [3, с. 1].

Культ Ошибки получил дальнейшее развитие. Его питательная среда – неопределенность смысла и возможность им манипулировать: «Проводя в жизнь указания партии, ВОАПП в основном успешно боролась против троцкизма, воронщины, переверзевщины, меньшевистствующего идеализма, деборинщины, левовщины – литфронтовщины, – против правой опасности, как главной, и “левацкого” вульгаризаторства, – против великодержавного шовинизма и местного национализма, – против всех видов гнилого либера-

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

лизма и примиренчества к буржуазным антимарксистским теориям, – против искажений ленинской партийности в литературе и ленинского понимания культурной революции. Разработку этих вопросов необходимо проводить на основе непримиримой борьбы против оппортунистического “сплошного” классово-недифференцированного подхода к наследству, против тенденции отрицания и сглаживания классовой специфики пролетарской, социалистической культуры, национальной по форме, – против ревизии ленинской теории критической переработки наследства, – против великодержавного ассимиляторства и национал-демократической трактовки проблем национальной культуры, – против “левацкого” вульгаризаторского, капитулянтского отказа от использования культурного наследства» [3, с. 2].

Сталинская диалектика постепенно, год за годом, становилась главным оружием в борьбе за абсолютную полноту личной власти. Выставлялись, как противоположности, тезисы, которые не оставляли никому ни единого шанса оправдаться, ибо при манипулировании ими можно обвинить в недостатке истины всякого человека, кроме одного – Сталина, с которым истина благополучно соединялась.

Первый номер журнала за 1932 г. вышел с программной речью Авербаха, произнесенной на пленуме РАПП, – «О перестройке РАПП». Он признал, что недооценил масштаб всей кампании: «...Последняя дискуссия показала, что мы не отдавали себе должного отчета в размерах необходимого поворота, темпах и содержании перестройки». Однако сдаваться он явно не хотел, – по-прежнему он говорил, как тот, кто руководит не только РАПП, но и всей развернутой кампанией, то ли делая вид, то ли искренне не понимая, что она острием своим направлена не только против членов РАПП, но и против его руководства – прежде всего. «Мы знаем, какое внимание уделяется т. Сталиным и всей нашей партией литературе и искусству, мы опровергли все эти теории не только теоретически, но и нашей практикой, практикой роста всего пролетарского искусства» [13, с. 6].

«Мы» – это он, Авербах, руководитель РАПП, исполнитель воли партии!..

Между тем вектор усвоения «диалектики» обозначался все более и более сталинским цитированием. В статье Ф. Панферова «Говорите голосом книг» ставился вопрос, который многих писателей заставлял задуматься: «Что значит быть писателем-материалистом, диалектиком? Это, во-первых, стоять на уровне идейного богатства Маркса – Ленина – Сталина, встать на культурный уровень класса, это, во-вторых, с ленинских позиций уметь вскрывать диалектику самой действительности, опыта, практики нашего класса. Лозунг “Магнитострой литературы” требует от писателя тщательного изучения богатства идей Маркса – Ленина – Сталина, лозунг “Магнитострой литературы”

требует от писателя тщательного изучения практики, опыта нашего класса, ставит перед писателем огромнейшие проблемы...» [13, с. 14].

В таком шаманстве текстов постепенно привыкал жить советский писатель. Юрий Либединский, например, узнал из статьи Панферова, что его роман «Рождение героя» является «результатом того, что у Либединского поиски мировоззрения были оторваны от практики нашего класса. Верно, и в теоретических установках т. Либединского были крупнейшие ошибки (ошибки идеалистического порядка). Но если бы т. Либединский при написании своего произведения (а мы не сомневаемся в его искреннем желании своим творчеством в меру своих сил помочь рабочему классу отыскивать наилучшие методы борьбы), если бы он при создании своего произведения тщательно проверил свои теоретические установки, идеи практикой нашего класса, если бы он тщательно изучил среду, окружающую членов ЦКК, комсомол, пионеров, если бы он через изучение практики класса выверил свои теоретические взгляды, – у него получилось бы нечто совсем иное, противоположное тому, чем является “Рождение героя”».

Верхом абсурда можно считать фразу Панферова – «Мы зовем писателей прощупать жизнь собственными руками». Однако в конкретной ситуации становления идеологии сталинизма слова о прощупывании жизни подкреплялись словами товарища Сталина, и уже не выглядели безумием, но обрели свою мифическую логику и оправдание: «“Теория есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и, только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий” Вот что говорит Сталин. К этому мы зовем писателя, когда говорим, что жизнь надо прощупать собственными руками. Что это значит? Это значит – то, о чем ты пишешь, тебе надо изучить со всех сторон. Тебе надо изучить науку этого предмета-темы, философию этого предмета-темы, действительность этого предмета-темы, осветить действительность теорией, проверить, выверить теорию практикой, опытом класса» [13, с. 14].

Панферов хорошо усвоил сталинский урок. Он понял, что «практика нашего класса» выше всякой теории: «В ряде областей практика нашего класса обгоняет теорию, а для того, чтобы показать идеи нашего времени на злободневном материале, надо знать не только вчера, но и уметь заглянуть в завтра» [13, с. 15].

Даже после недвусмысленной критики в «Правде» Авербах сохранял стабильное положение в журнале «На литературном посту». В статье

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Г. Корабельникова «Звенья перестройки» утверждалось, что «сущность задачи перестройки РАПП <...> в основном сформулирована т. Авербахом и в ряде выступлений в прениях по докладу». И ни слова о Сталине. Такая же картина в статье С. Кирьянова «За творческую перестройку» [9, с. 25–27] – положительные отклики на выступления Авербаха и умалчивание Сталина.

В новом, 1932 г., журнал начал кампанию против неоворонщины, – так стали называть статьи тех перевальцев, кто откликнулся на «ленинскую диалектику» своим объяснением ее сущности. В первом номере была опубликована статья М. Серебрянского под названием «Воронщина сегодня»:

«В общем оживлении классово-враждебных нам сил сегодня на идеологическом фронте в связи с успехами социалистического наступления голос неоворонщины далеко не последний в этом хоре. Распадается, но еще не окончательно распался “Перевал”, сохранивший еще некоторые силы» [16, с. 28].

В статье отмечалось, что неоворонщина стремится «удержать свое влияние на попутничество», приспособлявая «диалектику к своим целям и потребностям». Острой критике подвергалась статья Н. Замошкина в «Новом мире», в которой он, как говорилось, «протаскивает старую перевальскую теорию Горбова о едином потоке». Серебрянский отмечал, что в этой статье ни слова не сказано о том, что «борьба за творческий метод в советской литературе есть классовая борьба», ибо «воронщина и признание классовой борьбы вещи несовместимые».

Серебрянскому особенно не понравилось «приспособленчество» автора, выражающее себя в требовании прав «на ошибки, даже на искажение диалектики». В статье Замошкина высказывалась еще одна крамольная мысль о том, что стихийными диалектиками были почти все классические писатели. Вписать ленинскую диалектику в обычную основу писательского ремесла – как в основу стихийную, бессознательную, – с этим Серебрянский никак не мог согласиться: «Таким образом, метод диалектики реализуют в литературе все писатели прошлого и настоящего – от Ф.М. Достоевского до Ник. Тихонова. Беды нет, что различны эпохи, классы, идеи, которые выражались данными писателями. Беды нет, что проблема диалектико-материалистического метода в искусстве никем раньше не могла быть поставлена, как нет беды, наконец, в том, что между диалектиком-материалистом и диалектиком-идеалистом “дистанция огромного размера”. Но для сторонников теории “единого потока” литература едина и внеклассова. И классовой борьбы, разумеется, нет никакой!» [16, с. 30].

Раздражение вызвало замечание Замошкина о том, что диалектика может оказаться не диалектикой, а диалектической манипуляцией, если она лишь фикция. С внедрением «ленинской диалектики» в духе письма Сталина о непримиримости к врагам, нарастал градус борьбы с «отклонениями от 210

марксизма-ленинизма», и Серебрянский ставил уже такую задачу: «...не дискутировать с воронщиной, с ее теоретиками, а добить ее навсегда и окончательно».

В 1937 г. А.К. Воронский³ давал показания о разговорах с товарищами по «Перевалу», и он упоминал свои беседы о «движничестве» и диалектике в 1931 г.: «...в 1930–31 годах эта борьба достигла своего апогея, причем ВАПП имел явный перевес в журналах, в прессе, в издательствах, средства же “Перевала” были ограничены. Литературные собрания продолжались. Они не носили троцкистского характера. Часть из них происходила у Павленко, непричастного к троцкизму, часть у Катаева, тоже не являвшегося троцкистом, часть происходила открыто в помещениях союза. Очень большое внимание было уделено, помимо ВАПП, так называемому движничеству, творческому направлению, которое во главу угла ставило динамизм образов, языка, стиля, их психологизм; обсуждалось отношение динамизма к диалектике и т.д.» [19, с. 163].

Тему «неоворонщины», очень выигрышную в тот момент, взял на вооружение и Авербах, разоблачая ее в своем заключительном слове «О перестройке РАПП», опубликованном во втором номере журнала за 1932 г.

Авербах выбрал для себя роль главного оценщика «перестройки», допуская, впрочем, «самокритику критика»: «...Чем больше человек самокритикуется, чем больше он в дальнейшем очищает свои прежние работы от допущенных ошибок, тем большим авторитетом в данной области он становится, тем лучшим большевиком в части теории он является. Именно этим мы должны руководствоваться в нашей дальнейшей теоретической работе». Впрочем, под общий хохот, он заметил, что есть и такие, которые «на каждом пленуме отмежевываются от ошибок, потому что у них нет ничего другого... На фоне классовой борьбы в литературе мы имеем проявление гнилого либерализма, отсутствие достаточной классовой непримиримости в борьбе за линию партии против различных буржуазных и мелкобуржуазных влияний, мы имеем новую волну, я это прямо утверждаю, неоворонщины в искусстве. Этому нужно дать решительный отпор. Но в борьбе с классовым врагом нужно однако уметь не сбрасывать со счетов нашей литературы ни одного писателя, которого рабочий класс может переделать» [1, с. 5].

И вновь Авербах чудесным образом умудрился обойтись без цитат тов. Сталина, как будто их не обязательно повторять. В публикациях других

3. Воронский Александр Константинович (1884–1937) – писатель, литературный критик, теоретик искусства, создатель журнала «Красная новь», идеолог литературной группы «Перевал», сторонник Л.Д. Троцкого. В 1927 г. исключен из партии и отправлен в ссылку, в 1929 г. вернулся в Москву, работал в Гослитиздате; рассрелян.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

авторов вновь стали мелькать одобрительные отзывы об Авербахе, – как будто не было призыва газеты «Правда» критиковать руководство РАПП [18, с. 20–22].

В пятом номере журнала «На литературном посту» были опубликованы материалы производственного совещания критиков РАПП (состоявшегося с 25 по 29 января 1932 г.). В статье А. Фадеева «Об одном споре всемирно-исторического значения» шла речь о теории Троцкого: он «фактически призывал к художественному разоружению пролетариата перед буржуазией. И последователи его – Воронский, Полонский, Горбов – они на брюхе ползли перед старой буржуазной литературой... Лефовщина, литфронтовщина – эти пытались ликвидировать наше пролетарское искусство и пролетарскую литературу “слева”. Они тоже не верили в возможность создания пролетариатом большой литературы» [17, с. 1–5].

И только партия, руководимая ЦК во главе с т. Сталиным, «возглавляет всемирно-историческую борьбу рабочего класса».

На этом совещании С. Кирпотин сделал большой доклад о письме Сталина, в котором отмечал ошибки Либединского и Ермилова в связи с неверной теорией «непосредственных впечатлений» и трактовкой психологизма в художественной литературе. Он говорил, что «основным критерием при анализе художественной литературы у нас должен быть критерий практики рабочего класса периода вступления в социализм». Стенограмма совещания зафиксировала тяжелую атмосферу самобичевания, поиска врагов, густой туман писательской вражды и злобы.

Уже в следующем номере, шестом, была опубликована эта речь Кирпотина на совещании. В ней был артикулирован лозунг «срывания масок», как одно из проявлений диалектико-материалистического метода [8, с. 8–9].

«Диалектика» увлекала критиков, и в том числе Кирпотина, своей необъяснимой (поистине революционной) широтой в правах на срывание масок, ведь «без умения правильно определить ведущее начало в диалектическом противоречии нельзя ни понять, ни применять ленинской диалектики». Ленин говорил о «ведущей стороне» в диалектическом противоречии, но что это такое, Кирпотин не уточнял, не старался понять, – он разоблачал своего товарища Либединского за неверно выбранное противоречие, – за то, что тот «идеалистически низводит социальные противоречия к противоречиям индивидуальной психологии... “Рождение героя” написано с точки зрения примата индивидуального над социальным. Ошибки мировоззренческого порядка неизбежно привели Либединского к ошибочному художественному произведению».

Вместе с тем Кирпотин говорил и о том, что «нельзя отразить в художественном произведении процесс победы социализма в нашей стране простой дедукцией художественных образов из генеральной линии партии».

А как же тогда правильно?..

Тут и возникает пока еще не вполне осознаваемая потребность в живом Авторитете, который один только и знает, как определить «ведущую сторону» в противоречии, только ему одному должно быть ведомо, какую сторону занять (или никакую!), только он должен судить, обладая правом на истину в глубинах диалектической неопределенности.

Кирпотин, возможно, и сам не заметил, как, споря с Либединским, уже не мог обойтись без авторитета Сталина, – его присутствие в системе разоблачений делала ее работоспособной: «...надо, вооружившись генеральной линией партии, передумав ее как следует, знать и видеть, как реально происходит процесс строительства социализма, в плоти и крови...» [8, с. 13]. Только Сталин знал, какова эта генеральная линия партии, только он мог судить обклонениях влево и вправо от безупречной истины.

Литературные критики, вроде Кирпотина, еще не догадывались о том, какой их ожидал сюрприз в скором времени, когда в ответ на их наставительные рассуждения о том, чем является диалектика и чем она не является, будет сказано или... о непонимании ими роли индивидуального в культуре, или... о непонимании классового начала, – какая разница в чем упрекать, если «ключи» от вместилища истинного знания у одного лишь человека – генерального секретаря партии большевиков. В такую игру многим хотелось сыграть, многие желали слиться с диалектической истиной, стать первым в своем деле, но крайне редко кто осознавал опасные последствия такого соревнования. Между тем Сталин всегда заботился о том, чтобы в его «игровой клуб по интересам» заходило как можно больше посетителей, он всегда старался быть радушным, благожелательным и даже гостеприимным...

В седьмом номере «На литературном посту» за 1932 г. была опубликована статья А. Афиногенова, М. Лузгина, И. Серебрянского, А. Фадеева «За ленинизм в литературе. К итогам первого производственного совещания критиков РАПП», в которой отмечалось, что «положительным моментом совещания является то, что оно сумело пропитать свою работу борьбой за партийную линию в литературе, за реализацию тех указаний, которые даны в известном письме тов. Сталина...»

Вновь возникла диалектическая коллизия правильного и неправильного смысла, как вопрос о совпадении или несовпадении с генеральной линией партии: «У Ленина мы находим исчерпывающий ответ и на споры вокруг так называемого “психологизма”, одновременно направленный, с одной стороны, против левовско-литфронтовского антипсихологизма, против мелкобуржуазной боязни раскрытия социальной психологии классов и общественных групп, а с другой – против тенденций индивидуалистического психологизма, отрывающего психологию от классовой практики» [7, с. 2].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Любой тезис – и за, и против психологизма – предполагал ложь: если утверждать значение психологического, то умаляется классовое, если утверждается классовое, то игнорируется индивидуальное: оценка истинного ответа зависит от того, у кого права на владение, пользование и распоряжение «генеральной линией».

В этой борьбе одной неопределенности с другой неопределенностью взращивался культ Ошибки, столь мучительный и страшный для пролетарских писателей, что в нем никакого другого чувства, кроме страха, физического и духовного, уже не оставалось. Приведу довольно значительный фрагмент из этой коллективной статьи, чтобы проиллюстрировать мертвящую силу сталинской диалектики «в действии»:

«На совещании была развернута критика ошибок как руководства РАПП в целом (лозунг “плехановской ортодоксии” в вопросах литературоведения, лозунг “одемянивания”, положение о том, что “ударник стал центральной фигурой пролетарского литературного движения” и пр.), так и критика ошибок отдельных руководящих работников РАПП. И в основных докладах, и в прениях на совещании наряду с критикой ошибок, идущих по линии деборинских и плехановских влияний (в статьях тт. Авербаха, Фадеева, Сутырина, Афиногенова и др.), была дана критика правопопportunистических ошибок т. Ермилова как в докладах тт. Кирпотина и Динамова, так и в докладе самого т. Ермилова, Либединского и Селивановского и фричанских ошибок⁴ т. Динамова. Ошибки т. Ермилова, относящиеся, главным образом, к его работам 1926–1928 гг., выражают влияние идеалистической системы Воронского, против которой всегда боролось пролетарское литературное движение. К этим ошибкам т. Ермилова относятся, несомненно, тенденции к абсолютизированию лозунга “живого человека”, приводящие к подмене классово-политического анализа литературных явлений их отвлеченно-эстетической оценкой. Сюда можно отнести также механистическую трактовку Ермиловым категорий сознательного и подсознательного, что является выражением и прямых влияний воронщины и неправильных сторон эстетики Плеханова... Влияния воронщины сказались и на ошибках, совершенных т. Либединским (теория “непосредственных впечатлений”, разрыв чувственного и логического и др.), выразивших деборинское⁵ влияние и в теоретических работах, и в

4. Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – советский искусствовед, литературовед, академик АН СССР (1929). В 1920-х годах директор Института русского языка и литературы, ответственный редактор журнала «Литература и марксизм».

5. Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963) – советский философ-марксист, один из организаторов Института философии АН СССР, академик (1929). В 1926–1930 гг. – ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Критиковался в прессе как представитель «меньшевистствующего идеализма». В 1931 г. отстранен от

творческой практике т. Либединского (роман “Рождение героя”). Влияния воронщины сказались и на статьях тов. Селивановского, также разрывающего чувственное и логическое, строившего определение содержания поэзии в одной из своих статей с точки зрения критерия чувственности и совершившего грубые правоопортунистические ошибки в оценке идейной сущности конструктивизма и его роли в советской литературе. Все эти ошибки, идущие по линии влияния плехановщины, деборинщины, воронщины признаны и исправляются на практике. Это, однако, отнюдь не снимает как с руководства РАПП в целом, так и с самих ошибавшихся товарищей необходимости дальнейшей критики их ошибок, чтобы на объяснении сущности этих ошибок воспитывать новые кадры, приходящие в массовое литературное движение» [7, с. 4–5].

В том же номере была и такая публикация: «А. Камегулов о своих ошибках». В нем Камегулов сначала обратился к письму Сталина, имеющему «историческое значение», а потом поведал о своих заблуждениях: «Основное в том, что РАПП в своей борьбе с Литфронтом был целиком и полностью прав, что в своей борьбе с РАПП я наделал уйму ошибок, и нужно их теперь исправлять. Началом этого исправления ошибок я и считаю свое сегодняшнее выступление».

Казалось бы, и все... Ан нет! К этой публикации прилагался комментарий «От редакции»: «Печатаемая речь т. Камегулова, редакция отмечает, что т. Камегулов правильно указывает на декларативный характер своей самокритики, на то, что его отход от Литфронта не доказан еще на деле. Тов. Камегулов должен практической работой доказать свой полный разрыв с Литфронтом» [1, с. 47].

Одних слов недостаточно, нужны дела, чтобы тебе поверили! А это означает, что потребуются новые и новые признания в ошибках. И нет никакой уверенности, что поверят еще раз – ведь тот, кто сделал ошибку, может совершить ее вновь.

Ту же ситуацию «непрощения» ошибок мы обнаруживаем в материале девятого номера журнала – в «Напостовском дневнике». Ошибки не забываются, даже если их авторы покаются, ибо ошибки, как грехи в христианской религии, не уходят никуда, остаются метафизическим злом, обозначая собой, если позволительна такая аналогия, «недостаток» в полноте марксистской истины.

«Товарищи Либединский и Ермилов, боровшиеся за генеральную линию партии и литературу, сделали ряд грубых ошибок правоопортунистического

должности директора института, продолжал работать в структурах Академии наук, преподавал в Школе особого назначения НКВД.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

порядка. Эти ошибки признаны ими, раскритикованы в целом ряде статей, выступлений, брошюр, книг. Эти ошибки нужно критиковать дальше. Но нужно не выдумывать ошибки, а критиковать действительные ошибки. А «Смена» занимается именно выдумыванием ошибок, приписывая, например, т. Ерилову «оппортунистическую теорию» «неизбежных ошибок» [10, с. 34].

Надлежало критиковать и критиков, особенно тех, кто был недобросовестен. Допускалась защита невинно раскритикованных, но не для того, чтобы усомниться в самой кампании, а для того, чтобы ни один критик не был слишком уверен в себе. Так, в редакционной статье «Против “левацкого” вульгаризаторства в конкретной критике», открывавшей 11-й номер журнала, говорилось, что «вместо действительной критики действительных ошибок, допущенных т. Митрофановым и нуждающихся в серьезном большевистском анализе, т. Красина взгляды героев приписывает автору, отсюда же, не утруждая себя размышлениями над характером ошибок т. Митрофанова, делает непосредственный вывод о том, что в повести “Июнь-июль” получилась по существу открытая пропаганда троцкизма-стэновщины»⁶ [14, с. 2].

Двенадцатый номер журнала «На литературном посту» за 1932 г. оказался предпоследним и сообщил читателю, что, согласно Постановлению ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидирована ассоциация пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП). Во втором пункте постановления говорилось о необходимости объединить всех советских писателей в «единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». В третьем пункте значилось – «привести аналогичное изменение по линии других видов искусств...» [12, с. 1].

Вслед за постановлением в журнале перепечатывалась статья «На уровень новых задач» из «Правды» от 9 мая 1932 г. В ней определено говорилось об ошибках Л. Авербаха: «К числу наиболее ярких ошибок творческого порядка относится ставка на индивидуальный психологизм. Исходя из этого, развивалась идеалистическая теория “живого человека”, наиболее полно сформулированная в тезисе “Мир – это человек”. Этот вывод тесно был увязан с такой методологической установкой: “Анализ психологии индиви-

6. Стэн Ян Эрнестович (1899–1937) – философ, специалист по гносеологии, политический деятель. В конце 1920-х годов – член редколлегии журналов «Революция и культура», «Под знаменем марксизма», заместитель заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП (б), заместитель директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1928 г. обвинен в приверженности «правой оппозиции», в 1932 г. был исключен из партии, арестован и отправлен в ссылку. В 1936 г. вторично арестован; расстрелян. Термин «стэновщина» на языке сталинских пропагандистов означал синтез ошибок, как левых, так и правых («лево-правый блок»).

дуальной является лучшим путем литературы к пониманию психологии социальной” (см.: Авербах – “О задачах пролетарской литературы”). Но эта робинзопада не имеет ничего общего с марксизмом. Понять психологию отдельных личностей можно только через анализ общественных отношений, продуктом которых они являются».

Но чтобы не было перекоса лишь в сторону идеологии, был найден почти обязательный в такой ситуации «противовес» в виде обвинения в грубых политических ошибках, допущенных Авербахом в отношении «попутчиков»:

«Грубые политические ошибки допущены и в отношении к попутчикам. На страницах руководящего журнала “На литературном посту” в ряде статей культивировалась явно “левацкая” установка – “не попутчик, а союзник или враг” (№ 2, 1931 г.). Явно не понимая процесса поворота писателей, журнал выставляет лозунг: “Союзник или враг” – вот основная постановка вопроса, которую мы даем сейчас (№ 8, 1931 г.). Развивая эту неправильную установку журнала, т. Авербах пытался подвести под нее теоретическую базу. Схематизируя и вульгаризируя линию партии в отношении интеллигенции, он пишет... Авербах, согласно этим противоположным оценкам, соединял и правую, и левую стороны ошибок в своем мировоззрении, оказываясь по обе стороны заблуждений от непостижимой диалектической истины...»

В октябре 1932 г. Сталин собрал на квартире Горького рапповцев для беседы о причинах ликвидации их ассоциации. Прямо было сказано, что руководство не справилось с задачей объединить вокруг себя новые писательские массы: групповщина, администрирование – все это было ожидаемо услышать от вождя партии. Не вполне очевидно было, что зайдет разговор о диалектике. Сталин понимал, что это стержень всей новой ситуации в литературно-художественном процессе. Понимали это и писатели, но не так, как Сталин: они не могли никак освоить этот странный механизм, который в последний момент ускользал из их цепких рук, и никак не приближал к вождельной диалектической истине, потому что всякое обвинение в чем-то и кого-то могло обернуться (и довольно легко!) обвинением против обвиняющего. Диалектика!

В шаманской речи Сталина слышалась провокационная нота: у писателей остаются еще колебания, даже не политические, а литературно-теоретические, их «надо изжить». Он подогревал настроение тех, кто жаждал играть в эту опасную игру: «Если вам не дают писать и отвечать на выдвинутые против вас обвинения, надо это ликвидировать» [4, с. 263].

Он остро говорил о рапповцах: «В свое время вы умели всех здорово критиковать. Теперь будут вас критиковать. К этой критике вы должны относиться терпеливо. Умели бить других – теперь потерпите сами и не рассматривайте всякую критику ваших действий, ваших ошибок как травлю» [4, с. 263].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Сталин сам начал разговор о диалектике: «Мне хотелось бы сказать несколько слов о романтизме и о диалектическом методе. У меня была на эту тему беседа с Авербахом, и у меня создалось впечатление, что эти проблемы вы ставите и пробуете разрешать неправильно. Почему вы требуете от беспартийного писателя обязательного знания законов диалектики? Почему этот писатель должен писать диалектическим методом? И что такое: писать диалектическим методом? Толстой, Сервантес, Шекспир не были диалектиками, но это не помешало быть им большими художниками. Они были большими художниками и в своих произведениях, каждый по-своему, неплохо сумели отразить свою эпоху. А ведь если стать на вашу точку зрения, надо признать, что они не могли быть большими и хорошими художниками слова, потому что не были диалектиками, т.е. не знали законов диалектики».

Казалось бы, по такой логике писатель может быть писателем и без диалектики! Это сказал Сталин! Но он имел в виду умерших писателей, а не живых, – к живым другой счет: «Этим я не хочу сказать, что знание законов диалектики для писателя вообще не обязательно. Наоборот, только овладев диалектическим методом мышления, писатель сможет по-настоящему распознать и осмыслить происходящие вокруг него явления и события».

Сталин упомянул писателя Леонова, его вопрос, – где бы научиться диалектике? Многие готовы были этот вопрос задать.

Но и Сталину важно на него ответить: «Леонов, например, просил меня сказать: нет ли, не знаю ли я такой книги о диалектическом методе, по прочтении которой сразу можно было бы овладеть этим методом. Вот до чего вы заблудили головы писателям вашим неправильным схоластическим толкованием применения законов диалектики к творчеству писателя».

Оказалось, что «знание этих законов дается не сразу». Сталин собрал писателей, чтобы донести до их сознания важную информацию – она вроде о «попутчиках», но на самом деле о нем: «В свое время я был тоже беспартийным, не знал законов диалектики и во многом не разбирался. Но старшие товарищи не оттолкнули меня из-за этого, а научили, как овладеть диалектическим методом. Научился я этому тоже не сразу. А вы в этих вопросах при подходе к беспартийным писателям проявили нетерпимость и полное неумение».

Сталин сказал, что он овладел диалектикой (пусть и не сразу!), а писатели не овладели, не понимают ее, и нет такого учебника, по которому можно было бы научиться. Остается сделать правильный вывод: у кого учиться диалектике? Правильно... – у Сталина, она ему открыта старшими товарищами, это намек на Ленина, учеником которого он считал себя. Значит, «ленинская диалектика» унаследована генеральным секретарем партии большевиков... Вождь преподавал писателям пару уроков этой трудной науки: «...Диалектика предполагает не только отрицание старого, но и сохранение

его, это было бы неплохо. Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей – мастеров художественного слова. Но таких статей, к сожалению, я не читал у вас».

Не трудно представить судьбу такого советского писателя, который, поверив вождю, стал бы призывать учиться литературному мастерству у Мережковского или Алданова...

Второй урок касался романтизма. С одной стороны, романтизм, по словам Сталина, – «приукрашение действительности» (и это не нужно!), а с другой – идеализация нужна, чтобы увидеть будущее нового общественного строя: «Нам нужен такой романтизм, который двигал бы нас вперед». Но можно ли противопоставлять романтизм социалистическому реализму, ставшему «главным, основным течением в литературе»? Нет, конечно: «Надо только знать – когда, к чему и как применить тот или иной метод» [4, с. 265].

Все эти уроки демонстрировали, что ученики не справятся с диалектикой самостоятельно...

Диалектика, как главный метод советской литературы, обсуждалась в партии еще в марте 1930 г.; в предварительном проекте резолюции ЦК по художественной литературе, который представил Лазарь Каганович, этот метод именовался «диалектико-материалистическим». В январе 1931 г. о сущности этого метода говорилось так: «Метод материалистической диалектики не мирится с пассивно-созерцательным отношением к действительности, он требует от художников умения найти основные тенденции развития, в сегодняшней действительности видеть ее завтрашний день» [4, с. 267]. В октябре 1932 г. ясности не прибавилось, кроме одной, – подлинным учителем для всех писателей является товарищ Сталин, ему одному открываются законы марксистской диалектики.

Такой стала, и утвердилась надолго, художественная политика, искореняющая всякую попытку мыслить «художественность» вне марксистской диалектики, а значит, и вне политики партии, которую осуществлял Сталин.

Библиография

1. Авербах Л. О перестройке РАПП (заключительное слово) // На литературном посту. 1932. № 2. С. 1–12.
2. А. Камегулов о своих ошибках // На литературном посту. 1932. № 7. С. 44–47.
3. Безыменский А. Речь на Пленуме // На литературном посту. 1931. № 35–36. С. 20–24.
4. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; состав. Л.В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. 752 с.
5. Евсеев Ф. Опыт Ленинграда // На литературном посту. 1932. № 2. С. 20–22.
6. За дружную совместную работу с комсомолом // На литературном посту. 1932. № 31–32. С. 1–7.
7. За ленинизм в литературе. К итогам первого производственного совещания критиков РАПП // На литературном посту. 1932. № 7. С. 1–5.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

8. Кирпотин В. Ленин и литературная критика // На литературном посту. 1932. № 6. С. 1–13.
9. Кирьянов С. За творческую перестройку // На литературном посту. 1932. № 1. С. 25–27.
10. Напостовский дневник. Против опошления // На литературном посту. 1932. № 9. С. 32–35.
11. Об очередных задачах перестройки РАПП. Резолюция по докладу Л. Авербаха на Пленуме РАПП 2 декабря 1931 г. // На литературном посту. 1931. № 34. С. 1–5.
12. О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. // На литературном посту. 1932. № 12. С. 1.
13. О перестройке РАПП // На литературном посту. 1932. № 1. С. 1–9.
14. Против «левацкого» вулгаризаторства в конкретной критике // На литературном посту. 1932. № 11. С. 1–4.
15. Речь тов. Сталина и задачи РАПП // На литературном посту. 1931. № 24. С. 3–4.
16. Серебрянский М. Воронщина сегодня // На литературном посту. 1932. № 1. С. 28–32.
17. Фадеев А. Об одном споре всемирно-исторического значения. Заключительное слово на производственном совещании критиков РАПП 29 января 1932 года // На литературном посту. 1932. № 5. С. 1–5.
18. Фридман С. Лицом к творчеству // На литературном посту. 1932. № 2. С. 18–19.
19. Юрганов А.Л. А.К. Воронский в литературном и политическом процессе // Россия XXI. 2016. № 2. С. 150–183.
20. Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.

References

- A. Kamegulov o svoih oshibkach // Na literaturnom postu. 1932. N 7. P. 44–47.
- Averbach L. O perestroike RAPP (zakluchitel'noe slovo) // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 1–12.
- Bezemenskii A. Rech' na Plenumе // Na literaturnom postu. 1931. N 35–36. P. 20–24.
- Bolshaia cenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956 / Pod obshe red. akad. A.N. Iakovleva; sost. L.V. Maksimov. Moscow: MFD: Materik, 2005. 752 p.
- Evseev F. Opyt Leningrada // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 20–22.
- Fadeev A. Ob odnom spore vsemirno-istoricheskogo znacheniya. Zakluchitel'noe slovo na proizvodstvennom soveshanii kritikov RAPP 29 yanvaria 1932 goda // Na literaturnom postu. 1932. N 5. P. 1–5.
- Fridman S. Licom k tvorchestvu // Na literaturnom postu. 1932. N 2. P. 18–19.
- Iurganov A.L. A.K. Voronskii v literaturnom i politicheskom processe // Rossiya XXI. 2016. N 2. P. 150–183.
- Iurganov A.L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo. Zhiz'nennyy mir istorikov epochi stalinizma. Moscow: RGGU, 2011. 765 p.
- Kirianov S. Za tvorcheskuiu perestroiku // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 25–27.
- Kirpotin V. Lenin i literaturnaia kritika // Na literaturnom postu. 1932. N 6. P. 1–13.
- Napostovskii dnevnik. Protiv oposhleniia // Na literaturnom postu. 1932. N 9. P. 32–35.
- O perestroike literaturno-hudozhestvennykh organizatsii. Postanovlenie CK VKP(b) ot 23 aprelya 1932 g. // Na literaturnom postu. 1932. N 12. P. 1.
- O perestroike RAPP // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 1–9.

Ob ocherednyh zadachah perersroiki RAPP. Resolucia po dokladu L. Averbacha na Plenumе RAPP 2 dekabria 1931 g. // Na literaturnom postu. 1931. N 34. P. 1–5.

Protiv «levatskogo» vul'garizatorstva v konkretnoi kritike // Na literaturnom postu. 1932. N 11. P. 1–4.

Rech Stalina i zadachi RAPP // Na literaturnom postu. 1931. N 24. P. 3–4.

Serebrianskii M. Voronshina segodnia // Na literaturnom postu. 1932. N 1. P. 28–32.

Za druzhniui sovmestniui rabotu s komsomolom // Na literaturnom postu. 1932. N 31–32. P. 1–7.

Za leninizm v literature. K itogam pervogo proizvodstvennogo soveshaniia kritikov RAPP // Na literaturnom postu. 1932. N 7. P. 1–5.